УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Концепт многоакторной перспективы как аналитический инструмент для исследования перехода к устойчивому развитию

ГУЛЬМИРА АДЫЛКАНОВНА ТОЛГАНБАЕВА[a]
a Канадско-Евразийская бизнес-ассоциация

DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-5-64-72

Аннотация: В статье рассматривается концепция многоакторной перспективы (далее – MAP), предложенной представителями нидерландской научной школы управления переходом к устойчивому развитию. Автором статьи проводится сравнение MAP с более распространенным аналитическим инструментом MLP (многоуровневой перспективой переходов) и выделяются отличительные особенности MAP. Эти особенности заключаются в анализе разных видов акторов управления переходом (государство (правительство), рынок (бизнес), сообщество, третий сектор) на разных уровнях их агрегирования (секторы, организационные акторы, отдельные, индивидуальные и групповые, акторы). Секторы рассматриваются как специфические «институциональные контексты» или «дискурсивные поля», в которых взаимодействуют организации или отдельные акторы. Границы секторов не фиксируются и периодически оспариваются акторами, размываются, меняются, что создает очаги конкуренции и сотрудничества между различными участниками. Автор статьи считает, что MAP может рассматриваться как особый тип модели коммуникации власти и общества в ходе перехода к устойчивому развитию, так как касается не просто проблем перераспределения власти и полномочий между участниками перехода, но и позволяет понять коммуникационные модели управления переходом к устойчивому развитию. Ценность MAP для исследования процессов управления переходом к устойчивому развитию в том, что она позволяет раскрыть не только вертикальные, но и горизонтальные коммуникации, дает возможность определить связи разных типов власти, выявить потенциал третьего сектора и потенциал слабо организованных сообществ для перехода к устойчивому развитию.

Ключевые слова: устойчивое развитие, переход к устойчивому развитию, социальное управление, акторы устойчивого развития, социальные взаимодействия, коммуникационный режим
Дата поступления статьи в редакцию: 5 сентября 2022 года.

The concept of multi-actor perspective as an analytical tool for studying the transition to sustainable development

RESEARCH ARTICLE

GULMIRA ADYLKANOVNA TOLGANBAYEVA[a]
a Canada Eurasia Business Association

Abstract: The article discusses the concept of a multi-actor perspective (hereinafter referred to as MAP), proposed by the representatives of the Dutch research institute for transitioning to sustainable development. The author compares MAP to the more widely used analytical tool MLP (Multi-Level Perspective) and highlights the characteristics of MAP. These characteristics include the analysis of different types of transition management actors (state (government), market (business), community, and the third sector) at different levels of their aggregation (sectors, organizational actors, and separate (individual and group) actors). Sectors are considered specific «institutional contexts» or «discursive fields» where organizations or individual actors interact. Sector boundaries are not fixed and are challenged periodically by actors, blurred and changed, creating competition and cooperation between various actors. The author believes that MAP should be considered as a specific type of communication model between government and society during the transition to sustainable development, as it addresses not only the problems of redistribution of power and authority between the participants during the course of transition but also allows us to understand the communication models for managing the transition to sustainable development. The value of MAP in studying the processes of managing the transition to sustainable development is that it reveals not only vertical but also horizontal communication, provides an opportunity to uncover the links of different types of power, identifies the potential of the third sector and the potential of poorly organized communities for transitioning to sustainable development.

Keywords: sustainable development, transition to sustainable development, social management, actors of sustainable development, social interactions, communication mode
Received: September 5, 2022.

Введение

Проблема управления устойчивым развитием сохраняет свою актуальность, несмотря на изменяющиеся страновые социальные контексты, политические контексты, трансформацию не только мирового политического, но и экономического порядка, влекущего за собой внутристрановые динамики. Более того, в условиях диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических векторов большинства стран, внутриполитической дестабилизации, перераспределения ресурсов концепт устойчивого развития становится неким стабилизирующим началом, целевым ориентиром общественного развития.

Несмотря на критику концепта устойчивости, Цели устойчивого развития зафиксированы в стратегических документах практически всех стран. В этой связи научное осмысление проблем управления устойчивым развитием и поиск научно обоснованных методов изучения процесса перехода к устойчивому развитию является актуальным направлением научных исследований.

В рамках настоящей статьи мы обратились к лучшим практикам научного осмысления управления переходом к устойчивому развитию, в числе которых опыт Нидерландов. Глубокий анализ этого опыта позволяет нам говорить о сложившейся в Нидерландах научной школе социологии управления переходом к устойчивому развитию [Толганбаева, 2021] и использовать разработанные методы и модели в исследованиях, посвященных другим странам, в частности Республике Казахстан.

Политические и социальные аспекты переходных процессов

Материал исследования составили публикации нидерландских ученых, модели и идеи которых внедрены в практику управления переходом к устойчивому развитию. В частности, работы, согласно которым переход к устойчивости связан не только с социально-техническими преобразованиями, но и с социально-политическими изменениями, такими как 1) переход от гегемонистской формализованной экономики к более неформальной социальной экономике или 2) переход от централизованных структур управления к более гражданской самоорганизации. Например, при энергетическом переходе речь идет не только о социально-техническом сдвиге от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии, но и о социально-политической трансформации – от централизованных коммерческих энергетических компаний к децентрализованным некоммерческим энергетическим кооперативам на базе сообществ и/или третьего сектора [Avelino, Wittmayer, 2014; Frantzeskaki, Avelino, Loorbach, 2013; Walker, Devine-Wright, Hunter, High, Evans, 2010].

Таким политическим и социальным аспектам переходных процессов уделяется все большее внимание, особенно в смежных областях исследований инноваций в сфере услуг и социальных инноваций [Franz, Hochgerner, Howaldt, 2012; Moulaert, 2013]. MAP как эвристическая конструкция помогает определить, объяснить и обсудить такую социально-политическую динамику перехода с точки зрения смены ролей и отношений акторов.

Модель разработана, апробирована и описана в публикациях Ф. Авелино и Д. Виттмаер. Флор Авелино (PhD, доцент кафедры государственной службы и социологии в ESSB (Школе социальных и поведенческих наук), Erasmus University, Rotterdam[1]) и Джулия У. Виттмаер (PhD, доцент ESSB, старший научный сотрудник DRIFT, куратор проекта по распространению устойчивых практик[2]) принадлежат к научной школе Я. Ротманса. По мнению российского исследователя, доктора социологических наук В.В. Комлевой, именно Я. Ротманс является основателем нидерландской школы социологии управления переходом к устойчивому развитию [Комлева, Шевелева, 2021]. В процессе работы с источниками информации были использованы методы анализа, сравнения, обобщения и сопоставления.

Структура акторов управления переходом к устойчивому развитию

В нидерландской школе управления переходом к устойчивому развитию актор рассматривается как социальный организм (человек, организация, группа лиц, группа организаций), который может действовать [Hermans, 2010] и обладает полномочиями. К акторам относятся «разные типы организаций, такие как фирмы, органы государственной власти (разработчики политики), ассоциации (отраслевые, а также общественные движения) и исследовательские институты. Помимо организаций, люди выступают в качестве участников переходных процессов как «независимые» игроки или как члены организации (например, владельцы фирм, сотрудники)» [Farla, Markard, Raven, Coenen et al., 2012. P. 994–995]. Анализируется способность отдельных участников быть рычагами перехода (будь то политики, эксперты, потребители или владельцы фирм) [Там же], способность действовать в качестве «frontrunners» (своего рода лидеров, передовиков), агентов, способных создавать диссипативные структуры и действовать в рамках этих структур [Rotmans, Loorbach, 2010. P. 144], «чемпионов», «политических предпринимателей» или «посредников» [Hargreaves, Hielscher, Seyfang, Smith, 2013]. В нидерландских исследованиях описаны акторы, имеющие разный бэкграунд (опыт, происхождение, культуру, образование и т.п.), разные ниши и разный уровень организации [Geels, 2011], разную степень вовлеченности в многочисленные действия на различных уровнях структурирования [Jørgensen, 2012].

1 Профиль Flor Avelino: https://drift.eur.nl/people/flor-avelino/

2 Профиль Julia W. Wittmaer: https://drift.eur.nl/people/julia-wittmayer/

Одной из проблем управления переходом, по мнению нидерландских экспертов, является распределение, оспаривание, перераспределение полномочий, борьба за влияние и властные полномочия. Научное осмысление «правильного» распределения полномочий между всеми акторами является одной из центральных тем нидерландской школы управления переходом.

Ученые опираются на несколько концепций научного осмысления взаимодействия акторов управления переходом. Наиболее часто используются такие аналитические инструменты, как MLP (многоуровневая перспектива переходов) и MAP (многоакторная перспектива переходов). Для понимания особенностей концепции MAP рассмотрим сначала основные подходы MLP.

Концепция многоуровневой перспективы

Многоуровневая перспектива (MLP) технологических переходов акцентирует внимание на динамике более широких переходных разработок, а не на отдельных технологических инновациях и занимается социотехническим преобразованием системы – переходами к устойчивости. Интерпретация концепции MLP формировалась и отрабатывалась годами [Haan de, Rotmans, 2011; Geels, 2011; Rip, Kemp, 1998; Smith, Raven, 2012].

MLP аргументирует три аналитических и эвристических уровня, на которых процессы и акторы взаимодействуют и согласовываются, что приводит к социотехническим преобразованиям системы: 1) ландшафт (экзогенные макротенденции); 2) режимы (доминирующие институты и практики); 3) ниши (места инновационных практик). На этих трех уровнях (уровнях функциональной агрегации) рассматривается взаимодействие акторов управления переходом.

Основная характеристика «режима» заключается в его доминирующем положении и воспроизведении доминирующих структур в социальной системе. Таким образом, режим по определению связан с «властью», «господством» и «имущественными интересами» (капиталовложениями). Режим воплощает в себе диспозиционную власть, воплощенную в правилах, ресурсах, конфигурациях действующих лиц и доминирующих образах затрагиваемых проблем. При исследовании инновационных практик (ниш) нидерландские ученые уделяют внимание силе отношений, которая связана с различиями в компетенциях и способности влиять на режим.

На уровне ландшафта исследуется структурная власть в форме символического, социального и экономического капитала (Бурдье) или порядков «сигнификации, легитимации и господства» (Гидденс) [Grin, 2010. P. 282–283].

Власть в первую очередь связана с регулирующими правилами, лежащими в основе режимов, и «борьбой за власть» между существующими режимами и будущими нишами. В своей статье о «Типологии путей социально-технического перехода» Гилс и Шот отмечают, что власть позиционируется как одна конкретная «основополагающая парадигма», которая вращается вокруг субъектов и социальных групп с «конфликтующими целями и интересами» и которая рассматривает изменения как результат «конфликтов, борьбы за власть, споров, лоббирования, создания коалиций и переговоров», проводимых этими и между этими участниками и социальными группами [Geels, Schot, 2007. P. 415].

В более позднем исследовании о том, как власть может быть включена в MLP, Гилс расширил власть режимов с точки зрения неограмшианских политико-экономических представлений о гегемонистской власти и «сопротивлении» режима [Geels, 2014; Hess, 2013]. Хотя «организации общественных движений, граждане, профсоюзы и другие группы также пытаются формировать общественные дискурсы», именно коалиция «политиков» и действующих «фирм» является наиболее влиятельной [Geels, 2014. P. 29].

Как видим, основными акторами в концепте MLP являются властные акторы, и MLP основана на вертикальном различии уровней функциональной агрегации. Она связана с многоуровневой структурой власти, предложенной Артс и Ван Татенхов [Arts, Van Tatenhove, 2004, на основе Clegg, 1989]: реляционный уровень (связанный с отношениями), диспозиционный уровень, структурный уровень. Многоуровневая структура власти, предлагаемая Артс, Ван Татенхов, Геллом включает, по сути, вертикальную типологию власти, в которой разные типы власти соответствуют различным уровням агрегации (агенты, структуры, системы).

Разработчики другой концепции – MAP (Авелино Ф., Виттмаери Д. и др.) считают, что помимо такой вертикальной типологии власти необходимо горизонтальное понимание, которое позволяет анализировать, кто обладает реляционной властью, а также то, как диспозиционная власть, воплощенная в конфигурациях акторов, конфигурируется в разных акторах.

Концепция многоакторной перспективы

Применение аналитического инструментария многоакторной перспективы (MAP) позволяет анализировать смещение властных отношений и процессы приобретения (потери) полномочий во время перехода к устойчивому развитию. В основе теоретико-методологической базы MAP лежат исследования третьего сектора, в частности, модель “Welfare Mix” Эверса, Лавилля (2004) и Пестоффа (1992), представленная на **рисунке 1**.

Основываясь на этой модели (The Welfare Mix), MAP различает четыре группы акторов по трем осям: (1) неформальный – формальный, (2) коммерческий – некоммерческий, (3) государственный – частный. Государство можно охарактеризовать как некоммерческое, формальное и общественное; рынок также формальный, но при этом частный и коммерческий;

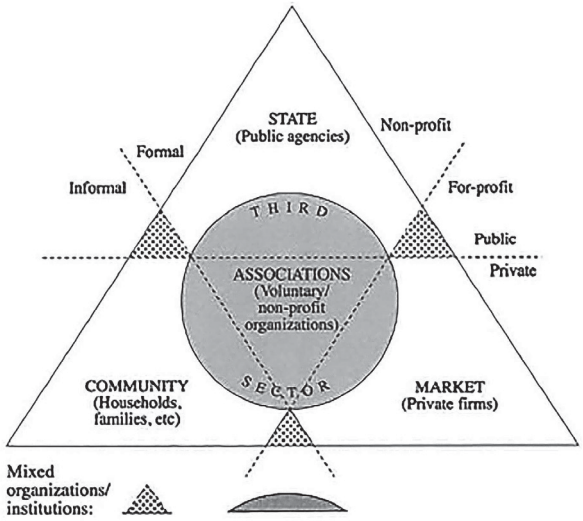
сообщество характеризуется как частное, неформальное и некоммерческое. Третий сектор («гражданское общество») концептуализируется в МАР как промежуточный сектор между тремя другими. Он включает в себя «некоммерческий сектор», который является формализованным и частным, но в то же время многие его организации промежуточны и пересекают границы между коммерческими и некоммерческими, частными и государственными, формальными и неформальными.

Таким образом, третий сектор включает в себя такие явления, как социальное предпринимательство, «некоммерческие» социальные предприятия и кооперативные организации [Birch, Whittam, 2008]. Он охарактеризован не просто как остаточная категория; скорее, он рассматривается как сектор, «расположенный внутри треугольного «поля напряженности», краеугольными камнями которого являются государство, рынок и неформальный сектор» [Fyfe, 2005. P. 538]. Сосредоточив внимание на политике и власти переходного периода, нидерландские авторы признают, что эти сектора не являются фиксированными образованиями; скорее, границы между секторами оспариваются, размываются, смещаются и оказываются проницаемыми (см. **рисунок 2**).

Противоречие границ секторов и посреднический характер третьего сектора иллюстрируется на примере общественных инициатив в области энергетики, которые колеблются между институциональной логикой некоммерческих организаций, коммерческим рынком и неформальными сообществами (Avelino F., Wittmayer J.M.). Правовой статус общественных инициатив в области энергетики имеет тенденцию различаться в зависимости от страны и инициативы, и часто возникает противоречие между формальным правовым статусом, с одной стороны, и целями, принципами и практикой, с другой.

Рисунок 1. Уровни благосостояния

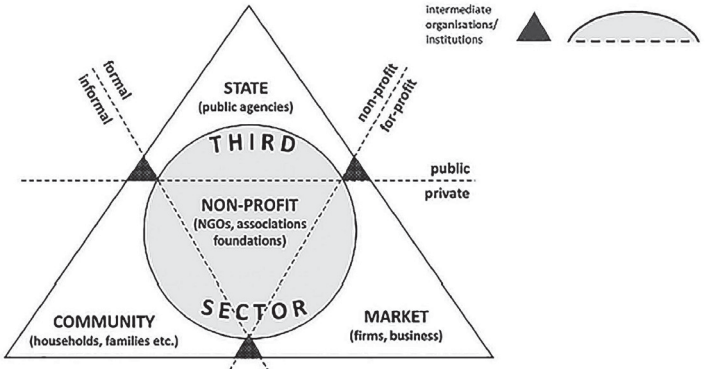
Figure 1. Welfare levels



Источник: [Evers, Laville, 2004. P. 17], адаптировано под: [Pestoff, 1992. P. 25]
Source: [Evers, Laville, 2004. P. 17], adapted for: [Pestoff, 1992. P. 25]

Рисунок 2. Многоакторная перспектива: уровни секторов

Figure 2. Multi-actor perspective: the levels of sectors



Источник: [Avelino, Wittmayer, 2014]
Source: [Avelino, Wittmayer, 2014]

МАР позволяет провести важное различие между «третьим сектором» и «сообществом». Обычно их не разделяют и относят к категории гражданского общества, и среди ученых доминирует концепт «большого общества», в котором объединяются (гражданское) общество и сообщество, несмотря на довольно разные уровни и масштабы их деятельности, что приводит к несоответствию между масштабами проблем и возможными решениями [Kisby, 2010; Ransome, 2011]. Разграничение между третьим сектором и сообществом позволяет лучше понимать и анализировать властные отношения (их сдвиг) и борьбу между формальными и неформальными образованиями. Более того, это позволяет понять силу третьего сектора (по отношению к государству и рынку) как существенно отличающуюся от силы неформального сообщества. Иными словами, МАР позволяет более адекватно оценить силу этих секторов по отношению к государству и рынку.

Помимо четырех групп акторов, размещенных в разных секторах (см. рисунок 1), нидерландские авторы предлагают различать акторов на разных уровнях агрегации:

1) собственно секторальная агрегация;

2) отдельные субъекты (например, предприниматель, потребитель, лицо, определяющее политику);

3) организационные субъекты (например, организации, группы).

Секторы рассматриваются как площадки для борьбы и/или сотрудничества между различными индивидуальными акторами (например, государство как взаимодействие между политиками, избирателями и разработчиками политики, рынок как взаимодействие между потребителями и производителями). В каждом секторе отдельные субъекты могут восприниматься по-разному – от «резидента» или «соседа» до «гражданина» или «потребителя». Это называется «ролями отдельных акторов». К одному человеку можно отнести разные роли в логике различных секторов, например: политик может быть соседом, потребителем, волонтером (см. **рисунок 3**).

Роли акторов понимаются как «социальные конструкции, которые широко признаны законными и нормальными характеристиками социального мира» [Collier, Callero, 2005. P. 47]. Как правило, эти роли представляют собой образы «идеального типа», которые используются в определенных социокультурных контекстах и считаются реальными, и в соответствии с ними совершаются действия. В основном они рассматриваются как связанные с набором согласованных действий, прав и обязанностей, которые являются частью логики конкретного сектора и как таковые воспроизводят логику. Тем не менее роли также можно рассматривать как ресурсы, которые используются людьми для доступа к культурным, социальным или материальным ценностям, и в таком контексте их роль может быть «средством воздействия» [Callero, 1994. P. 230]. В фокусе политики перехода признается, что существует постоянное согласование ролей как места силы, борьбы и соперничества.

На уровне организационных субъектов различаются организации, социальные образования, группы и/или сети. Они могут работать одновременно в различных отраслевых направлениях, например, энергетический кооператив может сочетать логику рынка, третьего сектора и сообщества в рамках своей организационной структуры (см. **рисунок 4**).

Целью MAP является изучение (1) того, как отдельные лица, группы и организации действуют и взаимодействуют в рамках логики различных секторов, (2) какие логики секторов имеют тенденцию быть «доминирующими» в действиях и дискурсах конкретных организаций, групп и отдельных лиц и (3) как властные отношения между секторами и внутри них, организационные и индивидуальные роли меняются с течением времени.

Сторонники MAP считают, что в большинстве исследований наблюдается тенденция отождествлять режим с «правительством и крупными корпорациями», а ниши – с «мелкими предпринимателями и/или гражданским обществом» [Geels, 2014]. Отчасти это является следствием присущей MLP концептуальной предпосылки о том, что режимы обладают «большей властью», чем ниши [Avelino, 2011], либо результатом эмпирического сосредоточения на секторах, в которых доминирует государство, таких как энергетика, мобильность и водные ресурсы. Применение MAP позволяет конкретизировать базовые предположения MLP, системно и детально анализировать сложное разнообразие ролей различных секторов и субъектов в многоуровневой динамике перехода.

Во-первых, в большей части литературы о переходном периоде гражданское общество в основном характеризовалось терминами «массовых инноваций» и/или «нишевых видов деятельности» [Seyfang, Haxeltine, 2012]. MAP позволяет увидеть гражданское

Рисунок 3. Многоакторная перспектива: уровень индивидуальных акторов

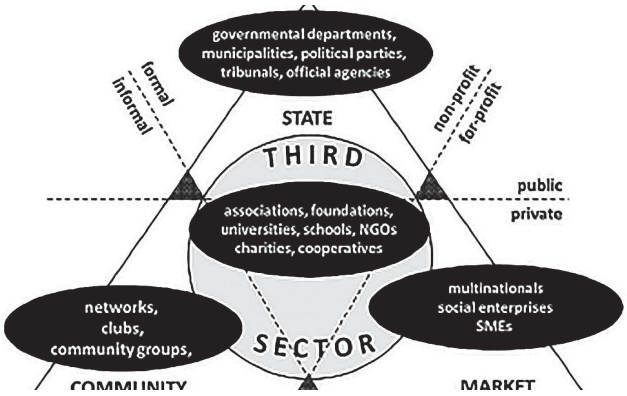
Figure 3. Multi-actor perspective: the level of individual actors



Источник: [Avelino, Wittmayer, 2014]
Source: [Avelino, Wittmayer, 2014]

Рисунок 4. Многоакторная перспектива: уровень организации

Figure 4. Multi-actor perspective: the level of organization



Источник: [Avelino, Wittmayer, 2014]
Source: [Avelino, Wittmayer, 2014]

Таблица. Типология властных отношений

Table. Typology of power relations

Тип отношений	Проявление властных отношений		
Власть «над»	Взаимная зависимость	Односторонняя зависимость	Независимость
	А зависит от В, но В тоже зависит от А => они имеют власть друг над другом	А зависит от В, но В не зависит от А => В имеет власть над А	А и В не зависят друг от друга => А и В не имеют власти друг над другом
Больше / меньше власти по отношению к какому-либо субъекту	Кооперация	Конкуренция	Сосуществование
	А имеет больше власти, чем В, но А и В имеют одинаковые коллективные цели	А имеет больше власти, чем В, но А и В имеют взаимоисключающие цели	А имеет больше власти, чем В, но А и В имеют независимые сосуществующие цели
Разный вид власти	Синергия	Антагонизм	Нейтралитет
	Разные виды власти А и В помогают друг другу и поддерживают друг друга	Разные виды власти А и В ограничивают, оказывают сопротивление или мешают друг другу	Разные виды власти А и В не оказывают влияния друг на друга значительно

Источник: [Avelino, Wittmayer, 2014]
Source: [Avelino, Wittmayer, 2014]

общество за пределами такой узкой ниши, поскольку она также признает третий сектор как «иное воплощение социального в экономическую жизнь зачастую мощными социально-экономическими организациями, а не только мелкими недооцененными или недокапитализированными местными инициативами жалующихся сообществ» [Moulaert, Ailenei, 2005. P. 2043–2044]. MAP ориентируется на признание не только значительного вклада общественной активности на низовом уровне, но и того, что «третий сектор» включает в себя нечто большее – довольно мощные структуры режима, такие как, например, профсоюзы, крупные кооперативы и религиозные сети.

Во-вторых, MAP дает возможность исследователям концептуализировать каждый из четырех секторов (государство, рынок, сообщество, третий сектор), содержащих внутреннюю динамику власти между «нишами» и «режимами». Например, в государственном секторе режим относится к доминирующим культурам, структурам и практикам, которые используются для выполнения государственной функции (например, централизация, институционализация, краткосрочные политические циклы, формальная демократия и бюрократия). Однако государственный сектор также включает новаторские методы и новые культурные и структурные области, которые отклоняются от этого «режима». То же самое применимо к сообществу (например, в разные моменты времени доминировала религия или индивидуализм), рынку и третьему сектору.

В-третьих, MAP ориентирует исследователей выйти за рамки упрощенной ассоциации, например, «государства» с «режимом», найти элементы режима, а также нишевые элементы в каждом секторе, в том числе в государственном. «Государство» относится не только к правительственным ведомствам или политикам, но также к индивидуальному поведению «граждан» и «избирателей», а также к тому, как они вместе помогают его формировать.

Властные отношения между правительствами и гражданами, политиками и избирателями, национальными и местными ведомствами являются частью динамики нишевого режима в «государственном» секторе. То же самое относится к «рынку» – он состоит не только из корпораций и предпринимателей, но также из потребителей и клиентов, которые формируют рыночный «спрос».

Таким образом, каждый сектор сам по себе является источником властного взаимодействия между нишами и режимами, организационными и индивидуальными ролями, восходящей и нисходящей динамикой. MAP в дополнение MLP уточняет многослойное понимание динамики инноваций при обращении к категориям участников и служит для анализа властных отношений между различными секторами.

Типы властных отношений между участниками перехода

Выше мы рассмотрели подходы MAP к анализу отношений между секторами с точки зрения того, какой сектор обладает «большей» или «меньшей» властью. Но следует учитывать гораздо более сложную динамику власти, а именно – различные виды власти, которые осуществляются разными субъектами, и различные типы взаимозависимостей и взаимодействий между этими разными типами осуществления власти.

Для анализа смены властных отношений в MAP используется «горизонтальная» типология властных отношений [Avelino, 2011; Avelino, Rotmans, 2009; Avelino, Rotmans, 2011], которая различает три типа таких отношений между участниками: (1) А имеет власть над В; (2) А имеет больше / меньше власти, чем В, для выполнения х; (3) А и В имеют другой вид власти. Эти различные властные отношения могут совпадать, но одно не обязательно вытекает из другого.

Если А осуществляет «большую власть» по сравнению с В, то это не обязательно означает, что А имеет власть «над» В. И наоборот: если А имеет власть «над» В, это автоматически не означает, что А имеет «больше» власти, чем В в абсолютном выражении. Более того, каждый из этих типов властных отношений может иметь различные проявления – от взаимной зависимости, односторонней зависимости и независимости до сотрудничества, конкуренции и сосуществования (см. обзор в **таблице**).

Осуществление различных типов власти частично связано с мобилизацией различных типов ресурсов (человеческих, умственных, денежных, искусственных или природных). Например, одни субъекты могут обладать экономической властью, а другие – идеологической или геополитической властью. Более того, Авелино [Avelino, 2011] проводит различия между:

- «усиливающей силой» (для укрепления существующих институтов);
- инновационной силой (для разработки новых ресурсов);
- преобразующей силой (для развития новых институтов).

Между этими разными типами власти есть качественная разница, что также означает, что концепция режимов, обладающих «большей» властью, чем ниши, подвергается сомнению. В то время как субъекты режима могут обладать большей «усиливающей силой», нишевые субъекты могут обладать более инновационной и преобразующей силой.

Использование этой типологии подразумевает, что ранее упомянутая дискуссия о смене властных отношений, например, между государством и рынком, связана не только с вопросом, какой сектор обладает большей или меньшей властью, но и с анализом новых уровней зависимости между одним и другим (власть над), а также о пересмотре нового разделения задач между секторами в отношении различных типов полномочий, которые они осуществляют (разные полномочия). Это особенно актуально в контексте перехода к устойчивому развитию, поскольку касается вопроса о том, кто несет ответственность за инвестиции в вопросы долгосрочной устойчивости, кто может позволить себе участвовать в рискованной трансформирующей деятельности и кто попадает в зависимость от кого в этом процессе. Политические дебаты о переходе к устойчивости часто вращаются вокруг таких вопросов, как ответственность и зависимость.

Помимо применения типологии власти для отражения меняющихся соотношений сил между секторами, ее также можно использовать для анализа меняющихся отношений внутри этих секторов – между индивидуальными и коллективными ролями акторов. Например, властные отношения между бедными и богатыми (сообщество), между национальными и местными департаментами (штат), между работодателями и работниками (рынок), между благотворителями и бенефициарами (третий сектор). Иными словами, понимание политики перехода к устойчивости – это в значительной степени вопрос понимания последствий дискурсов устойчивости и процессов трансформации для таких властных отношений на микроуровне.

Заключение

В данной статье ставилась цель познакомить читателей с аналитическими инструментами исследования управления переходом к устойчивому развитию, разработанными в рамках нидерландской научной школы. Наряду с распространенными инструментами MLP (многоуровневая перспектива переходов) нидерландскими учеными разработана MAP (многоакторная перспектива переходов). Отличительными особенностями аналитического инструмента MAP являются:

– «Горизонтальное» понимание переходной власти (Power-in-Transition framework). Одним из основных аргументов является различие между тремя типами властных отношений между акторами: 1) А имеет власть над В, 2) А имеет больше / меньше власти, чем В, для выполнения х, 3) А и В имеют разные виды власти. Об этом третьем типе властных отношений обычно забывают. Но понимание этого имеет значение для обсуждения роли различных акторов в управлении переходом к устойчивому развитию. Смена властных отношений, например, между государством, рынком и сообществом, связана не только с вопросом о том, у кого больше или меньше власти, но и с анализом различных типов власти, которую они осуществляют, и того, как меняются последующие взаимозависимости во времени.

- В горизонтальной проекции следует рассматривать акторов управления переходом, исходя из обладания ими разными типами власти. Наряду с обсуждением того, какие субъекты обладают большей или меньшей властью, или кто над кем имеет власть, следует обратить значительно большее внимание на то, как разные субъекты осуществляют разные виды власти в различные моменты времени и в разных ролях.
- MAP рассматривает акторов не просто в контексте их активности, а в контексте их полномочий. Полномочия относятся к процессу обретения власти. В исследованиях переходного периода существует различное понимание полномочий, начиная от расширения прав и возможностей как системного паттерна перехода [Haan de, Rotmans, 2011] и функционального свойства ниш [Smith, Raven, 2012] до расширения прав и возможностей на уровне индивидуальных или групповых способностей [Avelino, Rotmans 2009; Avelino 2011].
- MAP позволяет не только дифференцировать гражданское общество (третий сектор) и сообщество, но и определить их роли в переходе к устойчивому развитию. Будучи широкой категорией, «гражданское общество» включает как

формальные образования, такие как профсоюзы, так и неформальные образования, такие как семьи, – все они обобщаются и воспринимаются как гражданское общество в целом, что приводит к недооценке или переоценке относительной силы этих секторов по отношению к государству и рынку.

- MAP в качестве эвристической основы для определения различных категорий субъектов на разных уровнях агрегирования предлагает различать четыре сектора (государственный, рыночный, третий сектор (гражданское общество), сообщество) и разные уровни агрегирования акторов: сектора, организационные акторы, отдельные, в том числе индивидуальные, акторы. Хотя сами сектора могут рассматриваться как «акторы», их также можно рассматривать как специфические «институциональные контексты» или «дискурсивные поля», в которых действуют и взаимодействуют организационные или отдельные акторы. Эти секторы не являются фиксированными объектами: скорее, границы оспариваются, размываются, меняются и проницаемы, и они создают очаги борьбы и сотрудничества между различными участниками.

Таким образом, MAP вносит свой вклад в сферу исследований переходного периода, уточняя и нюансируя упрощенные ассоциации о «режимных» и «нишевых» акторах, представленные MLP, путем систематического и явного анализа сложного разнообразия ролей различных субъектов на разных уровнях агрегирования. MAP служит для изучения политических последствий перехода к устойчивости с точки зрения изменения властных отношений как между секторами, организациями и отдельными участниками, так и внутри них. Она обладает образовательным и формирующим возможности потенциалом, так как является интерактивным инструментом, обучающим многосторонним взаимодействиям при переходе к устойчивому развитию.

Литература

Комлева В.В., Шевелева Ю.Р. Нидерландская школа социального управления переходом к устойчивому развитию: теоретико-методологические взгляды. *Государственная служба.* 2021. № 5. С. 67–74.

Толганбаева Г.А. Научные основы управления переходом к устойчивому развитию в Нидерландах. *Государственная служба*. 2021. № 4. С. 43–50.

Arts B., Van Tatenhove J. Policy and power: a conceptual framework between the 'old' and 'new' policy idioms. *Policy sciences.* 2004. Vol. 37(3–4). P. 339–356. In English

Avelino F. Power in transition: empowering discourses on sustainability transitions (PhD-thesis). Erasmus University Rotterdam, 2011. In English

Avelino F., Rotmans J. A dynamic conceptualization of power for sustainability research. *Journal of Cleaner Production.* 2011. Vol. 19(8). P. 796–804. In English

Avelino F., Bosman R., Frantzeskaki N., Akerboom S., Boontje P., Hoffman J., Wittmayer J. The (self-)governance of community energy: Challenges & prospects. DRIFT PRACTICE BRIEF nr. PB 2014.01. Rotterdam: DRIFT. https://www.researchgate.net/publication/265694629_The_Self-Governance_of_Community_Energy_Challenges_Prospects. In English

Avelino F., Frantzeskaki N., Bosman R. A complex transition perspective on community energy: Exploring the dynamics of community energy from a complex transition perspective // *Quist J., Wittmayer J., Umpfenbach K., Bauler T.* (Eds.) Pathways, transitions and backcasting for low-carbon and sustainable lifestyles. In English

Sustainable consumption transitions series. Issue 3. Proceedings of SCORAI Europe Workshop, 7–8 October 2013. Rotterdam. P. 141. http://scorai.org/wp-content/uploads/Proceedings-InContext-SCORAI-Pathways-Workshop-FINAL.pdf. In English

Avelino F., Rotmans J. Power in transition: an interdisciplinary framework to study power in relation to structural change. *European Journal of Social Theory*. 2009. Vol. 12(40). P. 543–569. In English

Avelino F., Wittmayer J. Exploring tools for facilitating transformative social innovation (TSI) lessons from transition facilitation methods (TRANSIT discussion paper, TRANSIT: EU SSH.2013.3.2–1) Grant agreement no: 613169. 2014. http://www.transitsocialinnovation.eu/content/original/TRANSIT%20outputs/111%20TRANSIT%20D2.1%20Game-changers%20&%20Transformative%20Social%20Innovation.pdf. In English

Callero P.L. From role-playing to role-using: understanding role as resource. *Social Psychology Quarterly*. 1994. Vol. 57(3). P. 228–243. In English

Clegg S.R. Frameworks of power. Chicago: Sage, 1989. In English

Evers A., Laville J.L. (Eds.). The third sector in Europe. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2004. In English

Farla J., Markard J., Raven R., Coenen L. Sustainability transitions in the making: A closer look at actors, strategies and resources. *Technological Forecasting and Social Change.* 2012. Vol. 79(6). P. 991–998. In English

Frantzeskaki N., Avelino F., Loorbach D. Outliers or frontrunners? Exploring the (self-) governance of community-owned sustainable energy in Scotland and the Netherlands, as chapter 11 // *Michalena E., Hills J.* (Eds.) Renewable energy governance: Understanding the complexities and challenges of RE implementation, energy lectures series. Berlin: Springer, 2013. P. 101–116. In English

Frantzeskaki N., Loorbach D., Meadowcroft J. Governing societal transitions to sustainability. *International Journal of Sustainable Development*. 2012. Vol. 15(1–2). P. 19–36. In English

Franz H.W., Hochgerner J., Howaldt J. Challenge social innovation: Potentials for business, social entrepreneurship, welfare and civil society. Berlin: Springer, 2012. In English

Fyfe N.R. Making space for "neo-communitarianism"? The third sector, state and civil society in the UK. *Antipode.* 2005. Vol. 37(3). P. 536–557. In English

Geels F.W. Technological transitions and system innovations: a co-evolutionary and socio-technical analysis. Cheltenham: Edward Elgar, 2005. In English

Geels F.W. The multi-level perspective on sustainability transitions: Responses to seven criticisms. *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2011. Vol. 1(1). P. 24–40. In English

Geels F.W. Regime resistance against low-carbon transitions: Introducing politics and power into the multi-level perspective. *Theory, Culture & Society*. 2014. Vol. 31(5). P. 21–40. In English

Geels F.W., Schot J. Typology of sociotechnical transition pathways. *Research policy.* 2007. Vol. 36(3). P. 399–417. In English

Grin J. Understanding transitions from a governance perspective, part III // Grin J., Rotmans J., Schot J. (Eds) Transitions to sustainable development: new directions in the study of long term transformative change. New York: Routledge, 2010. P. 223–319. In English

Grin J., Rotmans J., Schot J. Transitions to sustainable development: new directions in the study of long term transformative change. New York: Routledge, 2010. In English

Grin J., Rotmans J., Schot J. On patterns and agency in transition dynamics: some key insights from the KSI programme. *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2011. Vol. 1(1). P. 76–81. In English

Haan de J.H., Rotmans J. Patterns in transitions: understanding complex chains of change. *Technological Forecasting and Social Change*. 2011. Vol. 78(1). P. 90–102. In English

Hargreaves T., Hielscher S., Seyfang G., Smith A. Grassroots innovations in community energy: the role of intermediaries in niche development. *Global Environmental Change.* 2013. Vol. 23(5). P. 868–880. In English

Hermans L. Actor Analysis // *Enserink B., Hermans L., Kwakkel J., Thissen W., Koppenjan J., Bots P.* (Ed.) Policy analysis of multi-actor systems. The Hague: Boom Lemma Uitgevers, 2010. P. 79–108. In English

Hess D.J. Sustainability transitions: A political coalition perspective. *Research Policy*. 2013. Vol. 43(2). P. 278–283. In English

Jørgensen U. Mapping and navigating transitions – The multi-level perspective compared with arenas of development. *Research Policy.* 2012. Vol. 41(6). P. 996–1010. In English

Kisby B. The big society: power to the people? *The Political Quarterly*. 2010. Vol. 81(4). P. 484–491. In English

Loorbach D. Transition management for sustainable development: a prescriptive, complexity-based governance framework. *Governance*. 2010. Vol. 23(1). P. 161–183. In English

Loorbach D., Rotmans J. The practice of transition management: Examples and lessons from four distinct cases. *Futures*. 2010. Vol. 42. P. 237–246. In English

Moulaert F. (Ed.). The international handbook on social innovation. Collective action, social learning and transdisciplinary research. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. In English

Moulaert F., Ailenei O. Social economy, third sector and solidarity relations: a conceptual synthesis from history to present. *Urban Studies.* 2005. Vol. 42(11). P. 2037–2053. In English

Pestoff V.A. Third sector and co-operative services – an alternative to privatization. *Journal of Consumer Policy*. 1992. Vol. 15(1). P. 21–45. In English

Ransome P. "The big society" fact or fiction? – a sociological critique. *Sociological Research online*. 2011. Vol. 16(2). P. 18. In English

Rip A., Kemp R. Technological change // *Rayner S., Malone E.* (Eds.) Human choice and climate Change. Columbus, OH: Battelle, 1998. Vol. 2. In English

Rotmans J., Kemp R., Van Asselt M. More evolution than revolution: Transition management in public policy. *Foresight*. 2001. Vol. 3(1). P. 15–31. In English

Rotmans J., Loorbach D. Towards a better understanding of transitions and their governance: a systematic and reflexive approach // *Grin J., Rotmans J., Schot J.W.* (Eds) Transitions to sustainable development: new directions in the study of long-term transformative change. 2010. P. 105–222. In English

Seyfang G., Haxeltine A. Growing grassroots innovations: exploring the role of community based social movements in sustainable energy transitions. *Environment and Planning*. 2012. Vol. 30(3). P. 381–400. In English

Smith A., Raven R. What is protective space? Reconsidering niches in transitions to sustainability. *Research Policy.* 2012. Vol. 41(6). P. 1025–1036. In English

Walker G., Devine-Wright P., Hunter S., High H., Evans B. Trust and community: Exploring the meanings, contexts and dynamics of community renewable energy. *Energy Policy.* 2010. Vol. 38. P. 2655–2663. In English

References

Komleva V.V., Sheveleva Yu.R. The Dutch school of thought on social management for transitioning towards sustainable development: theoretical and methodological views. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2021. No. 5. P. 67–74. In Russian

Tolganbaeva G.A. Scientific basis for managing the transition to sustainability in the Netherlands. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2021. No. 4. P. 43–50. In Russian

Информация об авторе:

ГУЛЬМИРА АДЫЛКАНОВНА ТОЛГАНБАЕВА, член совета директоров
Канадско-Евразийская бизнес-ассоциация (Республика Казахстан, 050022, Алматы, ул. Шевченко, 90).
E-mail: tgulmira.kz@mail.ru

Для цитирования: *Толганбаева Г.А.* Концепт многоакторной перспективы как аналитический инструмент для исследования перехода к устойчивому развитию. *Государственная служба.* 2022. № 6. С. 64–72.

Information about the author:

GULMIRA ADYLKANOVNA TOLGANBAYEVA, Member of the Board of Directors
Canada Eurasia Business Association (90, Shevchenko St., Almaty, 050022, Republic of Kazakhstan).
E-mail: tgulmira.kz@mail.ru

For citation: *Tolganbaeva G.A.* The concept of multi-actor perspective as an analytical tool for studying the transition to sustainable development. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2022. No. 6. P. 64–72.